

Наверное, можно было бы написать целую книгу под названием «Один день Малого театра». Материала хватило бы с избытком: жизнь его, внешне размеренная даже накануне юбилея, предельно насыщена. Оглавлением такой книги стала бы большая доска, расположенная на лестничной площадке, которую не минуешь по дороге из актерского гардероба в репетиционные залы, в гримборные. Здесь отражено все, что происходит сегодня, что должно произойти в ближайшие дни. Слева — извещения о творческой встрече Н. Блохиной и Б. Горбатова в Доме культуры завода «Компрессор» и о беседе, посвященной традиции Малого театра, на заводе «Кристалл». В центре — репертуар на неделю, репетиционные планы каждого дня. Справа — приказы руководителей о юбилейном вечере и дне открытых дверей, о политическом учебе, о вкладах; благодарности — всему коллективу от Бахрушинского музея за вечер памяти А. Сашина-Николаевского и актрисы Л. Юдиной, которая, чтобы не подвести товарищей, больная сыграла спектакль...

Да, могла бы быть книга. Представляем из нее одну страницу.

...В зале, где репетирует «Горе от ума», — ставит пьесу Виталий Иванов под руководством М. И. Царева — все в движении. Мечется между ширмами Софья (Н. Корниенко), испуганная падением Молчалина с лошади. Хлопочут вокруг нее Чацкий (В. Соломин) и Лиза (Е. Глушенко). Не может найти себе места в невыносимой для него — человека военного — обстановке Скалозуба (В. Бордов). Это еще не обработка мизансцен, это поиски точной реакции исполнителей на события. И споры, споры без конца. Что видно из такого окна? Обморок, Софья — просто потеря сил или она довела себя до истерики? Что главное для Лизы — помочь барышне или скрыть причину ее испуга? Для Скалозуба — бежать на помощь Молчалину или ударить отсюда? А Чацкий — что для него вся происходящая? Каждый ищет свое, но каждый думает и о партнершах подкашивает, помогает им. Но, пожалуй, интереснее всего была сцена, безмолвно проигранная от начала до конца Виталием Соломиным. Он был и Софьей, и Скалозубом, и Чацким, и оставался самим собой, щедро делясь найденным, безудержно фантазируя, «на заданную тему». Снова и снова повторяется эпизод, всякий раз по-новому. До окончательных решений далеко.

Еще один будущий спектакль... Большое помещение,

читала пьесу и не замечала) фраза начинает звучать так, что щемит сердце...

Две репетиции. А из ежедневно до десяти: идет работа над шестью новыми спектаклями, «освежается» текущий репертуар. Вот и сегодня в главном здании — танцевальная репетиция «Перед заходом солнца», в филиале — музыкальная: «Конька-горбунка», потом — софровского «Урагана». В зале имени Островского Борис Иванович Равенских беседует с актерами о «Царе Федоре». А в од-

ТОЛЬКО ОДНА СТРАНИЦА

похожее на съемочный павильон. Осветительные приборы под потолком. За маленьким столиком в креслах Элина Быстрицкая и Никита Подгорный — Инна и Пальчиков, герои пьесы А. Арбузова «Вечерний свет». Напротив — режиссер Леонид Хейфец.

— Не торопитесь, — говорит он. — Не торопитесь. Мы будем читать очень-очень медленно, очень внимательно...

И после первых фраз актеров (а сцена эта — незамысловатая, но внутренне напряженный разговор близких людей, которые чувствуют, что теряют друг друга):

— А как Инна возвращается домой из клуба? Трамваем?.. Как вопла? Где увидела дозку, когда та сказала, что купила цветы?

Режиссер задает массу вопросов, прямого отношения к сцене не имеющих, но очень важных для него самого и для исполнителей, пытающихся определить, после чего разговор, найти верное самочувствие.

Хейфец говорит очень тихо, словно сам себе — мысли вслух. Он не предлагает; давайте так, а не иначе, он думает вместе с актерами, почему так, он создает настроение. Не сразу, мучительно — повтор за повтором — рождается единственно верная интонация, простая (когда

ной из комнат начинается работа над пьесой И. Штока «Золотые костры».

У постановщика «Мезозойской истории» Романа Соколова — встреча с композитором. После «теоретической части» Полад Бюль-Бюль оглы просит, чтобы Виталий Коняев, играющий Рауфа, спел ему. «Мне это нужно, — объясняет, — чтобы лучше почувствовать актера, понять, как писать для него».

А все, кто занят в «Грозе», собрались, чтобы выслушать замечания Бориса Андреевича Бабочкина по впервые показанному зрителям спектаклю. Кажется, речь идет о мелочах: тут плохо слышен конец фразы, там нечетко произнесено слово...

Нашему поколению посчастливилось — мы застали на сцене Яблочнину, Турчанинову, Рыжову... Мы слышали прекрасную, истинно русскую речь, которую не может забыть никто из видевших спектакли с участием корифеев Малого. И как хорошо, что нынче старшее поколение передает свое мастерство молодым — тем, кому нести эстафету дальше.

В театре любят и берегут традиции. Особенно святое, что прямо связано с творческим процессом. Знаменитые реалистические традиции Малого — они и в актерском исполнении, и в режиссерских решениях, и в

предельной исторической достоверности обстановки.

Репетиция — лишь одна из форм работы над спектаклем. Главная, но не единственная. Режиссер не только выявляет с актерами черты героев, ищет оправдания их поступкам — вместе с художником он выстраивает мир, в котором героям жить на сцене. Моим гидом по этому миру стал старший художник-декоратор Вадим Илотц.

В макетной, где он работает, рождаются принципы художественного оформления каждой постановки. Сю-

30 метров — полотно, как и эскиз, расчерчено на квадраты. На моих глазах в этих квадратах под кистью почти в человеческий рост (почему-то названной «длинкасом») оживает пейзаж, созданный А. Васильевым, пейзаж, которому на каждом представлении неизменно аплодирует зритель.

Рабочие, обслуживающие вечерний спектакль, давно на местах. Помощник режиссера М. Пшеничкинов осматривает декорации, режиссер, по испещренному пометками экземпляру пьесы

да приносят эскиз, здесь этот эскиз материализуется. Здесь впервые можно представить себе спектакль живым, хотя и разыгрывают его бумажные куколки в поражающих изяществом (сколько ни видишь их, не устаешь восхищаться) миниатюрных «жилищах».

Вот как будет выглядеть сцена в день торжества, 25 октября — она такая нарядная, белая с золотом! Вот голубые сумерки «Вечернего света» — макет, сделанный по эскизу Ю. Кононенко, ждет утверждения. А вот Чацкий и Молчалин, и Софья на белокаменной лестнице дома Фамусова (художник Е. Куманьков)...

Мы идем через сцену, поднимаемся в лифте, проходим по высиям над подмостками галереям, и ту же, что видели в макете, лестницу из «Горя от ума», но уже в натуральную величину, мне показывает один из старших работников Малого, заведующий цехом объемных декораций Иван Яковлевич Лукьянов. Она еще не закончена, в работе, но благородство пропорций, строгая продуманность каждой линии видны и сегодня.

Еще переход над сценой, и мы в живописной мастерской, где сейчас расписывают задний панораму для «Царя Острога» — 14 на

проверяет, не забыли ли чего. Пробует свет В. Изотова.

— Добрый вечер, — звучит голос из динамика. — Прозвенел третий звонок, и мы начинаем спектакль. Актеров, занятых в первом действии, прошу на сцену...

По Ермоловскому фойе, украшенному портретами крупнейших мастеров Малого — самой Марии Николаевны и Щепкина, Ленского и Южина, Федотовой и Садовских, Мочалова и Пашенной — всех, кому театр обязан своей славой, идут актеры к бесшумно открывающейся двери. Перед стоящим слева от нее гримом — тоже многолетняя традиция — поправляют грим, костюм, прическу...

И выходят на подмостки. Выходят, как выходили вчера и сто пятьдесят лет назад, как выйдут завтра. Выходят, чтобы мы, зрители, могли вместе с ними насладиться чудом встречи с искусством.

...Спектакль окончен. Постепенно смолкают аплодисменты. Зрители расходятся. Расходятся и актеры. Поздно, почти ночь. А завтра, вдесяти, они соберутся снова. Начнется новый день — еще один из почти пятидесяти пяти тысяч, которые складываются в 150 лет Малого театра.

Наталья
ВАСИЛЬКОВА.